

Мое жизненное кредо – всегда

"Без галстука" №51 с Дмитрием Литовкиным

ОТ РЕДАКЦИИ: 5 октября 2022 г. наступил 40 день с того момента, как нас покинул **Дмитрий Викторович Литовкин**, российский журналист, специализирующийся на военно-политических вопросах. Мой разговор с ним как с членом Сообщества «Под знаком ПИР» для проекта «Без галстука» состоялся 6 июня 2022 г. Помню, с каким задором он отвечал на мои вопросы. Мы проговорили почти два часа, и они пролетели совсем незаметно – мы обсудили от малого до великого. Его личную жизнь, творческий и профессиональный путь, ПИРовское прошлое, жизненные интересы. Журналистский опыт, принципы и критерии профессионального журналиста, специфику его работы. Конечно же, не обошли стороной и нашу страну, ее прошлое, ее настоящее, ее будущее. Не забыли про западные страны, про роль ядерного оружия и фактор «Сармата». В общем разговор выдался плодотворным. И таким легким, таким дивным. Каким был сам Дмитрий.

Когда я увидела его 25 июня на закрытии XXI Международной школы ПИР-Центра по проблемам глобальной безопасности, я была искренне удивлена его детской непосредственности и мужественности в одном лице, его открытости и доверчивости, он был ясен и светел. Теперь его нет, но он, безусловно, останется жить в памяти каждого, кто его знал и кто с ним общался.

Публикацией этого текста мы чтим память **Дмитрия Литовкина**, благодарим его за чуткую поддержку в журналистских изысканиях молодых международников и посмертно выражаем ему наше восхищение перед его профессиональными и личными качествами. Надеюсь, что этот текст как нельзя лучше передаст его настрой, его взгляды, его богатую внутреннюю личность...

Елена Карнаухова

Когда Дмитрий появился в ПИР-Центре, его широкая улыбка и упрямый оптимизм запустили искру озорства в коллективе, который привык, в общем, к довольно монотонному труду. Дмитрий не признавал никакого формализма. Твердый противник костюма и галстука, он всем существом отдавался тому, что его занимало, будь то работа или увлечения, которых у него было много.

Работал он легко. Точнее, могло показаться, что он работает играючи. В «Известиях», «Красной Звезде» или НВО он мог выдавать по несколько материалов ежедневно. Такой труд на износ в его исполнении был похож на игру. Он так умел настроить рабочий процесс, что тот превращался в череду обмена новостями, где журналистику было не отделить от доброго человеческого общения.

Дима звонил с текущей новостью и просил комментариев, уже зная или подсказывая ответ, ведь он прекрасно разбирался в военной проблематике. Собственных знаний он нисколько не ценил, всегда щедро раздавал друзьям и коллегам. Только попроси, и он мог рассказать всю историю создания какой-нибудь ракеты, заодно сравнить ее с зарубежными аналогами.

Он становился ребенком, когда речь заходила о птицах, рыбках, мотоциклах, о рыбалке и других его увлечениях. Им он отдавался целиком и не признавал полумер. Его аквариумы и клетки для птиц были огромны. А виски и сигары – в этом он знал толк как никто.

Дмитрий любил жизнь, и жизнь любила его. Но ковид нанес неожиданный удар.

После болезни в его широкой улыбке проявилась философская грусть. Он словно бы взглянул на собственную жизнь с небес и остался печален. Прошлого его уже не радовало, будущее тревожило.

Уйдя в свои 50 лет, он останется в памяти друзей искренним, надежным и светлым человеком, равно открытым для подвигов и чудачеств.

Вадим Козюлин

Как же все-таки иногда хорошо не знать алгебру

Я родился в городе Будапешт в семье военнослужащего. Учился я уже в московской школе. В школьные годы моим главным хобби была радиотехника – я занимался радиомоделизмом. Еще ходил в детско-юношеское речное пароходство, в итоге получил профессию «рулевой-моторист». Мне даже довелось ходить на гражданских судах по Волге до Астрахани и Великого Новгорода. Также в детстве я занимался самбо, теперь имею второй юношеский разряд.

Почему я стал военным корреспондентом? На самом деле я очень хотел быть радиотехником, даже собирался поступать в военное техническое училище. Но для этого я должен был сдать алгебру, а у меня с ней был полный швах, как говорится. Родители наняли мне репетитора, но в какой-то момент он им позвонил и сказал: «Вы можете бесконечно мне платить деньги, но ваш мальчик лучше разбираться в алгебре не станет». Вот так прямо и сказал. А вот с литературой, например, все было иначе: традиционно я писал школьные сочинения за весь класс. Помню, как за 45 минут мог написать сразу несколько сочинений. Это, собственно, и предопределило выбор профессии. Я поступил во Львовское высшее военно-политическое училище на факультет журналистики. А ведь в детстве и юношестве журналистом я быть не собирался вообще. Пускай я легко писал школьные сочинения по литературе, меня безумно тяготила мысль, что я каждый день должен буду писать какие-нибудь журналистские заметки. Так что журналистом я стал только из-за того, что с алгеброй были проблемы. Спустя годы я могу с уверенностью сказать: как же все-таки иногда хорошо не знать алгебру.

Годы на Северном флоте, или «Давайте я пока побуду немного в гражданке»

Следующий толчок в пользу журналистской карьеры мне дала служба на Северном флоте, где я работал в газете «На страже Заполярья». Мне ужасно не нравилась сама идея провести остаток своей жизни там, на Севере. Более того, на Северном флоте приходилось нереально вкалывать. Так что вторая причина, почему я стал военным корреспондентом, журналистом, – это желание уехать с Севера. Там люди уходят в отпуск на несколько месяцев. И так вышло однажды, что один корреспондент Военно-промышленной газеты «Красная звезда» решил уйти в отпуск, соответственно, я должен был его заменить. В редакции больше никого не осталось, я был единственный лейтенант, и мне предложили возглавить корреспондентский пункт. Это стало шансом для меня. В корпункте был телетайп, благодаря которому я мог связываться со всеми городами страны. В корпункт приходила просто масса отраслевых газет, которые распространялись по российским регионам. Пользуясь всей информацией, которую я получал, я начал писать заметки. В итоге я столько этих заметок для «Красной звезды» написал, что в какой-то момент пришел запрос о переводе меня в Москву.

Как лейтенанту мне было, конечно, тяжело на Севере. Ты сам по себе. Все твои друзья женаты, а ровесниц нет. Середина 1990-х гг. – это были тяжелые времена, а *жрать* очень хотелось. Помню, как я ходил по своим женатым друзьям, потому что их хозяйшкИ что-то изобретали в плане готовки, хоть и денег ни у кого не было. На флоте есть славная традиция: ты приходишь в гости – сначала тебя покормят, а уж только потом спросят, чего ты пришел и зачем. Вот так вот жизнь моя и шла – пришел к женатому другу, поел, написал потом заметку. Такая вот была северная бытовуха. Еще помню, как в общежитии, где я жил, воду горячую давали только в течение одного часа, и все общежитие этот час ждало, чтобы наконец помыться. А еще белые рубашки надо было постоянно стирать.

Должен прямо сказать, что мне тогда очень повезло: мой отец (*российский военный журналист Виктор Литовкин – прим.ред.*) в те годы [1989-1999] работал в газете «Известия» и был известным журналистом. Он неоднократно приезжал на Северный флот по рабочим вопросам. Например, мой отец подготовил ряд очерков об атомных подводных лодках, что наделало большой шум на флоте. Когда руководители разного ранга слышали мою фамилию и понимали, чей я сын, они начинали или возмущаться, или хвалить. Но это значительно облегчало мне жизнь, потому что они сами начинали со мной разговаривать. Еще, когда отец приезжал к нам на Северный флот, он знакомил меня с людьми, с кем общался, и у меня значительно расширился круг общения – начиная от

Есть еще телевизионная журналистика – это немного другое. Там все идет от кадра, то есть корреспондент просто пересказывает, что разворачивается у него перед глазами, что он видит на кадре. Такие журналисты, как правило, многофункциональные, они не могут быть заиклены на одной какой-то теме, изучают много материалов. Они их просто пачками изучают! ТВ-журналисты отслеживают саму картинку, следят за тем, что снимает оператор. Печатная журналистика, в свою очередь, – это знание предмета, это бэкграунд по профильной тематике, это работа с источником информации. Сейчас еще очень помогает интернет – ты можешь быстро найти интересные факты, спросить о них своего информатора и получить эксклюзивный ответ, но в любом случае это будет твой собственный материал.

Вот так примерно выглядит нормальная ответственная журналистика

Помню, как в 1990-е гг. я мог спокойно обратиться напрямую к конструктору какому-нибудь или генералу. Мы могли встретиться, обсудить все интересующие вопросы. Ко мне прямо домой приезжали коллеги из Министерства обороны РФ, представители нашего военно-промышленного комплекса. По итогам общения с ними я готовил текст и всегда показывал его предварительно, чтобы избежать ошибок и искажения информации. После того, как был принят ряд законодательных актов о засекречивании данных, работать стало сложнее, но все равно возможно. Некоторые материалы у меня могли вообще не выйти: менялась погода... Вот так примерно выглядит нормальная ответственная журналистика. За годы в журналистике у меня у самого появился бэкграунд. Бывало так, что какой-нибудь крупный менеджер на предприятии мог знать меньше меня, потому что он, условно, пришел туда работать только год назад, а я с этим предприятием общался в течение нескольких лет. Разбираясь в теме, ты можешь задать точечный вопрос или сам сделать уточнение, когда люди откровенно льют тебе воду.

Я убежден, что военно-политическая тематика должна освещаться в средствах массовой информации. Даже в текущих условиях получить объективную информацию от первоисточника возможно. Я уже описывал выше, как работает журналистика – это долгая процедура, если действовать легально. Что касается цензуры, то она существовала всегда. В нулевые годы многие люди вычеркивали целые абзацы в текстах. Разве это не цензура? Но даже так, все равно факты и разные взгляды в тексте оставались. Конечно, есть вещи, которые не должны быть открытыми. Очень часто мы не можем правильно оценить ситуацию. Для одних какое-то событие – это бомба, а для кого-то – рутина. Это особенно проявляется в дихотомии обыватель-специалист. Еще всегда нужно уметь идти на компромисс, быть адекватным автором, иначе с тобой перестанут общаться. Обратился сначала к человеку, подложил ему свинью под елку своим материалом – и все, уже не обратишься снова и информацию не получишь.

Полевой журналистикой я занимался не от хорошей жизни

У меня был опыт полевой журналистики. Но ей я занимался не от хорошей жизни. Я ездил в некоторые горячие точки, чтобы освещать деятельность Министерства обороны РФ.

Так, я сумел поработать в Чечне во время второй кампании, в Дагестане, в Южной Осетии. Должен отметить один нюанс: многие журналисты ехали в зону боевых действий самостоятельно, на свой страх и риск. Я же всегда ездил в составе наших воинских подразделений – так у меня были гарантии моей безопасности. Не могу сказать, что я испытывал серьезный стресс. У меня была уверенность, что за моей спиной находятся люди, которые меня не бросят, которые меня защитят и поддержат. Я просто общался, собирал информацию, даже какие-то маневры сам выполнял. Помню, как однажды, в годы Пятидневной войны 2008 г., меня посадили на БТР и повезли в Цхинвал. Это была очень короткая командировка. Я все вооруженные действия

наблюдал с БТР! Видел сгоревшие грузинские танки. Но у меня не было возможности пообщаться с местными жителями, нам к ним доступ не давали. А вот, например, один мой коллега поехал в Южную Осетию сам по себе. И он написал более глубокий материал, так как общался и с

российскими миротворцами, и с местными жителями. Причем он застал именно критический момент событий, чуть не попал в плен, и это, конечно, придавало яркость его тексту. Должен отметить, что Администрация Президента РФ все же признала и мой скромный вклад – у меня есть благодарность от тогдашнего российского президента Дмитрия Медведева.

Вам интересно, может ли женщина реализоваться в полевой журналистике. Мой ответ – нет, какой бы оторвой она не была. Вот честно, смиритесь. И свои насиловать будут, и чужие. А потом еще убьют, выкинут куда-нибудь в канаву, чтобы никто не узнал. Так и есть, и здесь не надо много рассуждать о сексуальной объективации женщины. Сама жизнь такая. Я знаю массу девиц, которые с таким восхищением перед военными и с таким патриотическим чувством отправлялись в качестве журналистов в зоны боевых действий, в итоге они все в какое-то сексуальное рабство попадали. Так что прелестным девушкам там делать нечего. А вот в общественно-политическую военную журналистику вам дорога открыта.

И мне далась именно общественно-политическая журналистика

И мне далась мне именно общественно-политическая журналистика. А благодаря ПИР-Центру я вообще понял, что такое аналитическая работа. Журналист в сфере полевой журналистики – это очень мужественный человек, стойкий в физическом плане. Часто, освещая военные действия, тебе приходится спать на голой земле или просто в неотопляемом помещении. Ты ешь, что попало, неделями и месяцами не моешься, рискуешь своей жизнью постоянно, ведь ты можешь быть убит как своими, так и чужими. Никто не отменяет ответственности и в общественно-политической журналистике, но она там иная: ты отвечаешь перед читателями (и надзорными органами) за свои тексты, за объективность и правду.

Будем откровенны: журналист – это пропагандист. Да, я никогда не подвергаю сомнению сказанное нашим руководством по тем или иным вопросам. Но имея собственный бэкграунд, я могу прописать что-то между строк, я могу расширить то информационное поле, на котором мне предложили играть.

Что я хочу посоветовать молодому журналисту? Уметь слушать и слышать, набираться знаний, бэкграунда, изучать тематические издания. Еще пожелаю никогда не отчаиваться, ведь с первого раза никто и никогда не достигает высоких результатов.

Что я думаю о современном мире и мировом порядке?

Я считаю, что дальше будет только хуже и хуже. США поняли, что не смогли выстроить однополярный мир в 1990-2000-е гг. Я собственными глазами наблюдал, как рушится система взаимодействия и доверия между западными странами и Россией. Штаб-квартира НАТО в Брюсселе часто приглашала к себе на «промычку мозгов». На такие мероприятия, как правило, приходил какой-нибудь американский офицер, пухляк, и начинал рассказывать, какие же США успешные и лучшие во всем. Помню, однажды мы обсуждали ситуацию в Афганистане. Американец сказал, что они все контролируют. Я не смог не вставить свои пять копеек и отметил, что не надо тут, что вы, американцы, на двух чек-поинтах сидите, а Советский Союз в свое время колоссальную территорию Афганистана контролировал, но успеха кампании все равно не достиг. Тогда тот пухляк подошел ко мне, обнял меня и ответил: «Молодой человек, Вы еще столько не знаете и столько не понимаете».

На западные деньги по всяким семинарам я вообще много покатался, а потом раскритиковал их всех. Разговаривать с ними не о чем вообще, на мой взгляд. Они занимаются сплошной пропагандой, всюду врут, подтасовывают факты. Любимая отговорка у них, что операции в Югославии, Ираке, Афганистане, Сирии и российская СВО на Украине – это не одно и то же. Ну конечно, они же светочи демократии! Они позволяют себе убивать мирных жителей пачками, они бросают военную технику и оружие на поле боя, которые после достаются всяким террористам. С этой точки зрения, действительно, наша СВО и все, что они натворили, — это не одно и то же.

Лизоблюдское преклонение перед западными ценностями - в журналистике то же самое

Проамериканские подходы в информационной сфере по-прежнему доминируют. Все началось с падения железного занавеса. Запад открылся для новой России. Западные специалисты приехали в Российскую Федерацию. Плюс не надо забывать, что у нас в обществе всегда есть это лизоблюдское преклонение перед западными ценностями. Дихотомию славянофилы-западники никто не отменял. Многие наши соотечественники считают почему-то, что на Западе живут более цивилизованные, более умные и более талантливые люди. Многие представители российских СМИ повелись именно на это тогда, в 1990-е гг. Они посетили Лондон, Вашингтон, наслушались там, как должны работать журналисты.

Вообще с 1990-х гг. у нас очень изменились сами принципы работы в журналистике. Советская и российская журналистика – это две разные вещи. В советской журналистике во главе угла стоял человек, личность. В современной российской журналистике началось его обезличивание. Нам стали говорить, что наше мнение никому не нужно, никого не волнует, что мы должны писать только факты. Потому что идеальный текст – это три абзаца, из которых ты – это чьи-то цитаты. Такой подход выхолащивал российскую журналистику под видом того, что западная пресса объективнее, а значит, лучше. Даже дизайн газет изменился – там он тоже оказался более правильным. Сейчас ситуация начинает немного меняться: возвращаются личное мнение и позиция журналиста, который может их спокойно указывать, при этом оперируя официальными данными. Люди не хотят читать только факты. Факты нужно раскрыть, показать, что за ними действительно стоит.

Хочу отметить, что в 1990-2000-е гг. открылась сама возможность получать информацию с Запада. Многие факты для нас стали откровением, если честно. У меня ощущение, что западные кураторы, которые приезжали работать в Россию в 1990-е, как будто использовали одну и ту же методичку по работе с журналистами. Нас часто возили на промывку мозгов – НАТО да Государственный департамент США, я уже говорил об этом. Я посещал и западные военные предприятия. Они очень ненавязчиво вас обрабатывают: это у нас самое красивое, а это у нас самое лучшее. Многие журналисты, не имеющие личностный и профессиональный опыт, бэкграунд, конечно же, начинали верить во все эти слова. Все мы знаем барышню с Первого канала, которая в качестве протеста против СВО устроила скандал в прямом эфире со своим плакатом. Она уехала в Германию. И что в итоге? Она не смогла там выжить – ее наверняка заставили нести пургу про Россию, а она и не смогла справиться, и не нужна теперь там никому. Таких примеров полно. Вот еще журналист Аркадий Бабченко: *топил* все время за советскую власть, а потом что ли крышу сорвало, взял и уехал в Чехию. И начал такую ложь откровенную про страну писать! Знаю очень много людей, которые в прошлом были офицерами, а потом в них что-то щелкало, и они меняли свои взгляды радикально. Так, один ветеран сирийской кампании, как началась СВО, уехал в Грузию, и написал там статью о том, какая плохая Россия и какое плохое место работы, где он служил.

Почему люди так поступают? У нас был период в истории, когда нам дали возможность посмотреть по новой на западный мир, прикоснуться к его ценностям, ощутить его гастрономически и туристически. Многим показалось, что увиденное там и есть в высшей степени идеал. А теперь представьте: уже два поколения людей выросло, которые так думают и жизнь свою не представляют без глобального мира. Для них СВО – это и есть крах, конец глобального мира. Они его потеряли. Я же, в свою очередь, иной.

Для меня, что бы Родина ни делала, она всегда права

Для меня, что бы Родина ни делала, она всегда права. Хотя я тоже считаю, что у нас должен быть глобальный мир. Но свое государство нельзя предавать – ты должен нести ответственность за него, быть ему благодарным. Если бы не это государство, как бы ты вообще жил и за границу смог поехать? Вот был в нашей истории такой граф Юсупов. Был богаче самого царя Николая II. Ездил по Европе, имел домик в Ницце. И что? Вспыхнула революция, царя вообще убили. У Юсупова и дом, и деньги в этой Европе отобрали. В итоге стал работать портье и таксистом. Почему? Да потому что никакое государство за ним не стояло! Было бы сильное государство, оно бы могло вступить и потребовать защиту его прав. Люди мира, они бесправные и никому не нужны, это так. И иллюзии быстро развеются. Российские журналисты и звезды сейчас, на фоне СВО, уезжают активно на Запад. Но кому они там нужны? Пропагандистские СМИ в западных странах не резиновые, у них тоже есть штат. Плюс там скажут: иди Россию лучше грязью поливай, ты плохо стараешься. А ты и не можешь! Зарплату урезать начнут. И что? Жрать тоже хочется.

Западные страны всегда будут считать, что они люди высшей касты. Для них это кредо. А нашим надо понимать: если у вас есть гордость за страну, и вы ее по-настоящему любите, хамон и пармезан не могут быть мерилами вашего счастья. У нас тоже есть свои колбаса и сыр. Пиво самое лучшее в Германии? Я там был и пиво пил, могу сказать с уверенностью, что в России тоже хорошее варят. Я бы на Западе жить ни за что не хотел. Да, с большим удовольствием ездил в свое время в Рим и Брюссель – и поработать, и просто пиво попить. Но жить бы ни за что там не стал. Помню, как однажды приехал в штаб-квартиру НАТО в командировку. Надо было потом ехать из Брюсселя в Париж на выставку. Но я остался еще на ночь в Брюсселе без своих коллег, и мне березки стали мерещиться. Мне уже и пива не хотелось, а я его очень люблю, ни кабаков никаких, ни местной еды. Заперся один в номере, ночь переждал и поехал на следующий день в Париж. Но поехал счастливый: там ждали наши, свои.

Я счастлив, что мы живем в свободной и демократической стране

Наше руководство, к сожалению, тоже очень долго верило, что Запад нас примет к себе. Такие иллюзии вообще были у всех постсоветских республик. Очень многие уехали на Запад. Но давайте будем честны: эти люди, что они не знают, какие США войны вели и ведут? Для них это ничто, ведь нужен им только глобальный мир. Я счастлив, что мы живем в свободной и демократической стране, что мы можем говорить, что думаем, свободно высказывать свою позицию. Пыль осядет и покажет, кто и где нагадил.

Мы имеем право говорить то, что думаем. И оппозиционные СМИ у нас существовали. Да, с началом СВО общество должно быть мобилизовано на решение конкретной задачи. Но прозрачность в информационном поле есть, есть официальная информация. Есть информация от журналистов и блогеров, которые едут в зону конфликта. И ведь там работают не только российские журналисты.

В общем информация сейчас доступна, каждый сам может выбрать источники и делать свои выводы. Жизненный опыт подскажет, что правильно.

О китайском факторе и великодержавных войнах в ядерный век

Китай вообще в принципе сам по себе всегда. Он плывет в своих тысячелетиях, а китайская политика никогда не делает акцент на белое и черное. Она даже серых оттенков не имеет. Китайцы и дальше будут всем говорить ни да, ни нет. США же не хотят иметь дело с крупными государствами. На мой взгляд, все события вокруг Югославии в 1990-е гг. – это как раз и есть попытка разукрупнения государств. Понимаете, на мелкие страны, которые ничего не могут сказать в ответ, давить легче. У нас в 1990-е гг. была сложная ситуация в Чечне, но Россия смогла встать в позу, и это, конечно, никому не понравилось. Теперь Россия – это враг. Это США стали сворачивать дружеские отношения, потому что не добились того, чего хотели. Обратите внимание, что президенты в США пусть и меняются, но их внешняя политика и подходы к России остаются неизменными. Сломают нас – возьмется за Китай. Вот Китай-то их не особо когда-либо раздражал своим коммунистическим режимом, *мочить* его будут именно за сильную экономику.

При этом я не думаю, что нас ждет полоса множества прямых великодержавных войн. Великие державы не воюют, потому что есть фактор ядерного оружия. Время полета «Сармата» до Восточного побережья США – 18 минут. 18 минут и воевать там будет некому! Война ведется иными средствами – это создание зон нестабильности и напряженности на границе, например, или война чужими руками. Фактически мы вернулись в период существования двух сверхдержав, когда на 2/3 Земли велись войны. Где мы только не воевали! Вы посетите Храм Вооруженных сил РФ и посмотрите там на некоторые фрески внимательно. Так, вы найдете фреску с воинами-интернационалистами. Когда я ее увидел, у меня волосы встали дыбом, я даже не знал, что мы участвовали в каких-то вооруженных конфликтах за рубежом. И чаще всего воевали мы там именно с американцами.

Так что не забываем про межконтинентальные баллистические ракеты, благодаря которым прямой конфликт не произойдет никогда. В российских доктринальных документах четко написано, что Россия не будет вести войны с какими-то блоками или странами, а просто нанесет удар по пунктам принятия решений, если понадобится. А это у нас Вашингтон, Лондон, Париж и Брюссель. Хотите повоевать – получите ядерный боезаряд.

Ядерное оружие – это гарантия безопасности государства в современном мире

Но я считаю, что прямое столкновение с американцами нам и не нужно. Зачем? Мы пока опережаем их в гонке по модернизации стратегических ядерных сил – примерно на пять лет. Но мы не можем

знать, что они в 2027 г. нам всем продемонстрируют. Вдруг создадут чего страшнее нашего «Сармата». О чем это говорит? Значит, мы должны купить риски, должна развиваться наша наука и техника. Должен сказать, что у нас все в работе, просто руководство страны не раскрывает все карты. Благо, оно поняло еще в конце 1990-х гг., что ярмарка доброты закончилась и теперь без собственной дубины не обойтись, иначе тебя твой сосед, простите, *отфигачит*.

Как ни крути, ядерное оружие – это гарантия безопасности государства в современном мире. Было бы ядерное оружие у Саддама Хусейна – американцы не полезли бы в Ирак. Что Ирак, что Ливия – это были абсолютно светские государства, социально-ориентированные. Да, их возглавляли диктаторы. И что? Запад хотел улучшить ситуацию. Улучшили? Я все-таки думаю, что рано или поздно многие страны поставят задачу получить ядерные технологии, просто чтобы себя обезопасить. Но Договор о нераспространении ядерного оружия не отомрет, даже если появятся новые члены ядерного клуба, пусть и не официальные. Или официальные. Вот у нас уже есть неофициальные ядерные страны – они сидят на галерке и семечки лузгают. Кто-то им что-то говорит или делает? Нет! Возьмем тот же Израиль – страна располагает ядерным арсеналом, но при этом ничего не отрицает и не подтверждает. Проблемой будет, если ядерное оружие получат радикальные движения. Только вообразите, если бы ядерное оружие было у ИГИЛ (*террористическая организация, запрещенная в России – прим. ред.*): никто бы ничего сделать не смог, мы бы просто все наблюдали за этими варварами, как они глотки режут и занимаются наркоторговлей.

Зачем вообще придумали ДНЯО? Я вижу параллели в наши дни. Государственный департамент США предложил ввести мораторий на создание противоспутникового оружия (ПСО). Почему? Да потому что сами уже все создали и протестировали. С ядерным оружием в 1960-е гг. было то же самое: две сверхдержавы решили закрепить свои позиции и не допустить расширения ядерного клуба.

По поводу СССР тоже не надо питать иллюзий, нас не зря называли империей зла. Размышления о Карибском кризисе и ядерном факторе

По поводу СССР тоже не надо питать иллюзий, нас не зря называли империей зла. У нас были свои интересы, свое мнение, и мы были в состоянии их отстаивать. Хрущев не просто так отправил ракеты на Кубу. Американцы строили планы по ядерному удару по СССР. А отправкой ракет на Кубу мы показали: сунетесь – тоже *вмажем*. Я не считаю, что кто-то из двух сверхдержав сдал позиции: кризис завершился взаимным охлаждением. Сейчас уже нет смысла где-то что-то размещать. Дальность «Сармата» позволяет любую точку достичь и преодолеть противоракетную оборону, у него нет четко заданной, определенной траектории полета – неизвестно, где он выскочит. А гиперзвуковые ракеты вообще, как шальные, носятся в пространстве. Вся эта движуха вокруг гуманитарной инициативы – полная чушь. США и Россия никогда не откажутся от ядерного оружия, как и не отказываются от противопехотных мин. Существует масса движений, масса инициатив против противопехотных мин, есть много норм международного права, запрещающих их. Но Россия и США не отказываются: интересы государств с такой территорией и протяженностью границ гораздо выше. Но для меня ядерное оружие не такое уж и страшное, ведь есть и пострашнее. Это оружие – любовь.

Я считаю, что нам надо быть жестче на дипломатическом поприще. Мы должны показывать: нами нельзя манипулировать. Надо быть сильными – в интеллектуальном и технологическом плане. Плюс страна должна быть сытая всегда! СССР не ставил задачи сконцентрировать все производство в России – развивал союзные республики. После распада СССР мы всего этого лишились, Россия тогда очень многое потеряла.

Апелляция к русскому и развал России

Мне кажется, апелляция к русскому – это у нас на подсознательном уровне у всех. Поэтому мы чаще слышим, что власть поддерживают русские, а не россияне. У нас не было опыта колониальной политики, мы колониализмом попросту не можем заниматься, как западные страны, потому что мы другие и у нас другой путь развития. Колониальная политика Запада всегда строилась на угнетении и разграблении. А наша концентрировалась на вливании других в наше пространство, мы интегрировали эти территории, строили на них заводы, раздавали рабочие места, то есть другие

народности получали абсолютно такие же права. Не думаю, что конголезец под бельгийцем чувствовал себя так же хорошо, как казахи, например, под русскими, а точнее с нами.

Сейчас многие говорят о рисках распада страны под воздействием давления и экономических трудностей на фоне СВО. Вы знаете, главное достижение Владимира Путина – это создание единого законодательства в России, это федерализация страны, это формирование вертикали власти. Ельцин делал все, чтобы страну развалить, а Путин всю землю собрал. Он и есть создатель современной России. Такой серьезный багаж он передаст своим преемнику, и если преемник этот будет толковый и все наше богатство не растеряет, то Россия не развалится никогда.

Как жизнь свела с ПИР-Центром

Расскажу о том, как же жизнь свела с ПИР-Центром. Мой отец наткнулся на вакансию в «Ядерном Контроле». Он позвонил Владимиру Орлову и предложил свою кандидатуру. Но Владимир Орлов всегда предпочитал, как говорится, молодых и красивых женщин, поэтому в итоге взяли на работу меня. Мне тогда надо было квартиру покупать. Я уже сам позвонил Владимиру Андреевичу, и мне дали шанс. Я попал в очень хороший коллектив. Мне довелось работать вместе с Иваном Сафранчуком, Дмитрием Поликановым, Вадиком Козюлиным. В нашем коллективе было так много людей, с которых можно было брать пример! Так, я всегда восхищался Ваней Сафранчуком: он мог прийти на работу и каждый день по 20 страниц текста написать! Для меня и для журналиста в целом это все немыслимое. Я в те годы всегда писал спонтанно. Кстати, из-за этого у меня были проблемы с Владимиром Орловым: он всегда требовал подготовку материалов к определенному сроку, а я чаще всего ну никак не мог в него уложиться. Поэтому Владимиру Андреевичу приходилось давать мне хороший пинок, но зато я потом сразу садился писать текст. И ему нравилось, он говорил: «Хм, офигительно». Владимир Орлов – поистине талантливый человек. На пустом месте в 1990-е гг. создать такую структуру как ПИР-Центр, да еще и привлечь финансирование! Когда я работал в ПИРе, было очень много мероприятий всегда, куда приходили умные, интересные, знающие люди. Их было просто интересно послушать. Например, Дворкина. Эти сокровища тают на наших глазах.

Самое памятное из неформального для меня – как мы хотели выпить с Вадиком Козюлиным в нашем ПИРовском офисе. Увидели тарелку с лимонами, и все съели. После обеда на нас набросилась секретарь Маша и говорит: «У Владимира Андреевича ангина, он чай с лимоном просит! А Вы все лимоны съели!». ПИР-Центр стал для меня очень серьезной профессиональной школой. Я научился здесь системности, получил понимание того, что такое настоящая аналитика – для меня это возможность общения с людьми, которые выше тебя по статусу. Они знающие. И ты благодаря им получаешь такие знания, которые ты нигде бы не смог получить. Владимир Орлов создал очень крутую организацию, и она повлияла не только на мое профессиональное становление и не только на мою жизнедеятельность.

Каким он ушел от нас

Я не женат. Я вообще дальше завтрашнего дня не думаю. Я дорос до редактора «Независимого военного обозрения», пишу колонки в ТАСС, выступаю по ТВ. Я не знаю, что мне еще желать, ведь с точки зрения журналистики я на вершине, пусть это прозвучит нескромно. Я печатаю, как принтер, сейчас – просто безостановочно. Наверное, я нашел свое признание: ничего другого я делать не умею и не пробовал. В детстве, да, я хотел быть директором зоопарка или, потом уже, радиотехником. Но видите, куда жизнь занесла.

В личное время люблю путешествовать по России на мотоцикле, например, устраиваю себе тематические путешествия. Последнее у меня было – крепости Северо-Запада России. Такой вот фетиш у меня есть. Я не запариваюсь такими вещами, как философские статусы, но, если бы Вы меня спросили, какое у меня жизненное кредо, я бы ответил: «Мое жизненное кредо – всегда».

Интервью: Елена **Карнаухова**

Редактура: Елена **Карнаухова**